

П.А. Афанасьев *

Pavel A. Afanasiev *

**Е.П. Клевакин:
провинциальный чиновник
на фоне пореформенной эпохи**

**Evgeny Klevakin:
a Provincial Official in the Context of
Post-Reform Russia**

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-3

УДК 94(571.1)

Выходные данные для цитирования:

Афанасьев П.А. Е.П. Клевакин:
провинциальный чиновник на фоне
пореформенной эпохи. // Исторический курьер.
2018. № 2. Статья 3. URL:
<http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-03.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-3

How to cite:

Afanasiev Pavel A. Evgeny Klevakin: a provincial
official in the context of post-reform Russia //
Historical courier, 2018, # 2. Article 3. [Available
online:]
<http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-03.pdf>

Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006/ОГН.

Abstract: The article presents a research of the early stage of biography of Evgeny Polikarpovich Klevakin (1841–1919) who held various offices at Ural and later Altai towns. His eventful biography reflects the influence of an epoch on a course of life of an "outstanding ordinary person". The article is based on Klevakin's unpublished diaries and letters as well as his recently published large memoirs written in the last decades of Klevakin's life. A workman of the Kushvinsky plant by birth, after the emancipation of 1861 he undertook several ventures in the state and private service and by the beginning of the 1880s he managed to win an official post and get ennobled. The article demonstrates how an ordinary person fitted into the changes happening in the country. The main features of Evgeny Klevakin as a person of the Great reforms epoch are his personal liberty and the opportunity to choose freely his professional way. Implementing these freedoms Klevakin rejected consciously the well-off life at the plant, tried private and state service and by the late 1870s turned into a typical official living on his salary. Klevakin's life during the post-reform period is an interesting example of a generally successful, but not always smooth materialization of opportunities opened by the peasant emancipation at Russia. New life opportunities depended first of all upon personal choice correlated to vital needs, desires and prospects.

Keywords: Evgeny Polikarpovich Klevakin; officials; Perm province; Goroblagodatsky plants; post-reform epoch.

The article has been received by the editor on 15.10.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

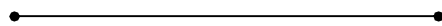
Аннотация: Статья посвящена исследованию раннего этапа биографии уральского (а затем алтайского) чиновника Евгения Поликарповича Клевакина (1841–1919). Его насыщенная событиями история отражает влияние эпохи на жизненный путь «незаурядного маленького человека». Статья основана на неопубликованных дневниках и письмах Е.П. Клевакина, а также недавно изданных обширных записках, составленных им в последние десятилетия его жизни. Выходец из мастеровых Кушвинского завода, после освобождения в 1861 г. Е.П. Клевакин, пройдя карьерные эксперименты как на государственной, так и на частной службе, сумел к началу 1880-х гг. пробиться в чиновники и выслужить личное дворянство. Статья демонстрирует, как обычный человек вписывался в происходившие в стране перемены. Называя Е.П. Клевакина

* Афанасьев Павел Алексеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Россия), e-mail: pavel_afanasev@mail.ru

Afanasiev Pavel Alexeevich, candidate of historical sciences, associate professor at the Altai state pedagogical university (Barnaul, Russia), e-mail: pavel_afanasev@mail.ru

человеком пореформенной эпохи, автор в качестве важнейших признаков этой характеристики выдвигает личную свободу и predeterminedную ею возможность самостоятельного выбора служебного пути. Воплощая эти свободы, Е.П. Клевакин сумел осознанно отказаться от налаженной жизни на заводе, побывать на частной и государственной службе и к концу 1870-х гг. стать типичным чиновником, живущим на жалованье. Его биография в пореформенный период – это интересный пример в целом удачного, но далеко не всегда гладкого воплощения возможностей, открывшихся после освободительной реформы и зависевших от личного выбора, соотношенного с жизненными потребностями, желаниями и перспективами.

Ключевые слова: Клевакин Евгений Поликарпович; чиновничество; Пермская губерния; Гороблагодатские заводы; пореформенная эпоха.

Одной из аксиом отечественного исторического процесса является утверждение, что Великие реформы 1860-х гг. не оставили незатронутой своим воздействием практически ни одну из сфер жизни Российского государства и общества. Взаимосвязь, взаимовлияние и взаимообусловленность каждой реформы позволили вовлечь в процесс модернизации государства едва ли не каждого подданного империи. Многие из них, скорее всего, даже не осознавали, в какой степени их повседневная жизнь определялась реформаторскими нововведениями. Но часть российского общества в силу профессиональной специфики при всем желании не могла абсолютно остаться в стороне. Речь идет о чиновничестве, и в первую очередь, рядовом, рутинная каждодневная деятельность которого осуществляла реализацию замыслов «отцов реформ». Пореформенная эпоха во многом зависела от того, насколько бюрократия в широком смысле оказалась готова к новым импульсам и сумела вписаться в контекст эпохи. В исследовательской литературе можно встретить утверждение, что в период реформ 1860-х гг. бюрократия не переосмысляет комплекс сложившихся представлений, а приспособливает свои привычки мышления к новой ситуации¹. Безусловно, этот тезис характеризует лишь усредненную картину, не учитывая многообразия индивидуально-личностных характеристик всей массы чиновничества, в особенности его рядового провинциального состава. Не случайно А. Бушмаков, кратко характеризуя группы пореформенного чиновничества и их отношение к службе, исходит из тезиса, что «чиновники пореформенной России далеко не однородны, даже на низшем и среднем уровнях бюрократической иерархии можно видеть разных людей, находящихся в одинаковых чинах»².

В отличие от столичных «собратьев» по Табели о рангах, мелкие провинциальные чиновники в большинстве своем не оставили мемуаров, позволявших бы раскрыть повседневное восприятие пореформенной эпохи ее мелкими «шестеренками», приводившими в движение огромный управленческий механизм. Обращение же к подобным примерам даст возможность двойного взгляда на эпоху: как со стороны рядового обывателя, так и с точки зрения ее рядового реализатора.

Однако потенциал использования таких свидетельств эпохи наталкивается на состояние источниковой базы. В обширной массе источников личного происхождения мемуары в широком смысле, принадлежащие перу рядового провинциального чиновничества, занимают далеко не столь заметное место, как произведения столичного чиновничества или крупных государственных деятелей. Зачастую рассеянные по региональным архивам и сборникам, они остаются малознакомыми широкому кругу исследователей. Между тем в условиях развития микроисторических исследований, изучения истории повседневности, внимания

¹ Федосов И.А., Долгих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX в. Т. 2: Власть и культура. М., 2000. С. 73.

² Бушмаков А. Государственные служащие пореформенной России второй половины XIX — начала XX века // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 260.

исследователей к «казусам» и деталям событий общегосударственного масштаба обращение к подобным источникам становится все более необходимым.

Евгений Поликарпович Клевакин. Фото 1907 г. Единственное сохранившееся изображение Е.П. Клевакина. Источник: Друг пожарного. 1907. № 54 (23 мая). С. 836.

Примером рядового провинциального чиновника, сознательная деятельность которого началась в пореформенную эпоху и на протяжении нескольких десятилетий сопровождалась постоянной рефлексией, нашедшей отражение в рукописном наследии, может быть Евгений Поликарпович Клевакин (1841–1919). Он известен преимущественно алтайским и сибирским исследователям, в первую очередь – как чиновник Алтайского горного округа в 80–90-е гг. XIX в. и в последующем – общественный деятель Барнаула. Пореформенный период жизни чиновника практически не являлся предметом изучения исследователей, очевидно, в силу того, что в это время Е.П. Клевакин жил на Урале. Но именно в 60–70-е гг. XIX в. произошло его становление как чиновника, сопровождавшееся трансформацией его социального статуса. В одной из единичных публикаций, связанных с Е.П. Клевакиным, исследователи предприняли попытку обобщенного анализа его социокультурных взглядов как представителя чиновничества¹. Детальная реконструкция биографии Е.П. Клевакина²,

¹ Щеглова Т.К., Ильиных Е.Е. Социокультурные взгляды чиновников и служащих Алтайского горного округа (по личным фондам С.И. Гуляева и Е.П. Клевакина) // Гуляевские чтения. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 269–274.

² Афанасьев П.А. Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие // Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века. Т. 1. Барнаул, 2017. С. 3–67.

осуществленная в рамках научной публикации его воспоминаний, позволяет не останавливаться на пересказе внешних событий его жизни в пореформенную эпоху. Но наличие такого «биографического бисера», обильно подкрепленного опубликованными воспоминаниями и неопубликованными дневниками и письмами чиновника, позволяет увидеть в Е.П. Клевакине «человека второго плана», который «в большей мере интегрирован в социальный контекст и в этом смысле – типичен», но при этом «выделяется из толпы»¹. Поэтому отмеченная документальная фактографично-ментальная основа дает возможность достаточно пристального изучения того, как обычный человек вписывался в происходившие перемены пореформенного времени, и как они повлияли на его жизненный путь.

Социальное происхождение Евгения Поликарповича, родившегося в 1841 г. в селе Глинском Екатеринбургского уезда Пермской губернии², как и положение его семьи, не давали ни малейших условий, ни шансов для попадания в чиновничество даже низших разрядов, не входивших в систему Табели о рангах. Сын мастерового Кушвинского завода³, с раннего возраста оставшийся без отца, Евгений как находящийся в зависимости от завода мог рассчитывать лишь на успешную заводскую службу. Система военно-горного строя, окончательно сформировавшаяся на Уральских заводах в 30–40-е гг. XIX в. и закрепленная штатами 1847 г., предоставляла детям мастеровых весьма ограниченные перспективы. После обязательного обучения в заводской школе основная масса детей мастеровых-школьников уже с подросткового возраста (15 лет) могла привлекаться к работам, а с 18-летнего возраста пополняла штатную команду заводских рабочих⁴. Хотя в течение последующих 35 лет обязательной заводской службы способным и трудолюбивым работникам предоставлялись различные поощрения, льготы, возможности для роста в рабочих должностях, все это не отменяло их зависимого положения.

Предопределенность судьбы детей (Евгения и его брата), видимо, вполне осознавалась в семье. В воспоминаниях о детских годах Е.П. Клевакин подчеркивал, что «воля не наша была»⁵. Оценивая своё тогдашнее положение с позиций прожитой жизни, он подчёркивал именно невозможность выбора жизненного пути, зависимость, не допускавшую никакой личной реализации. «Мы были казенные, обязательные, приписанные к казенным горным Уральским заводам мастеровые, обязанные всю свою жизнь работать при заводах и разве по болезненному состоянию 53-х лет от роду могли быть уволены «на свое пропитание»»⁶. Остроту восприятия зависимого положения, видимо, усиливало то, что статус семьи мастерового для Клевакиных был не потомственным: отец Евгения до записи в заводскую службу вместо военной был государственным крестьянином⁷. Поэтому в ряде своих автобиографий Е.П. Клевакин называл себя по рождению государственным крестьянином⁸.

Наиболее способные ученики заводских школ имели возможность продолжить образование в следующем звене заводского обучения – заводских училищах. По действовавшим на Уральских заводах нормам выпускники окружных училищ не становились обычными работниками, а поступали на службу писцами, цеховыми учениками или на другие занятия по усмотрению заводского начальства⁹. Поэтому мать Евгения стала

¹ См.: Матханова Н.П., Туманик Е.Н. Василий Михайлович Муравьев: опыт биографического очерка на базе эпистолярного наследия // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 21.

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 134 об.

³ Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века. Т. 2. Барнаул, 2017. С. 338.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. 22. Отд. 1. № 21203. Ст. 873; Бакшаев А.А. Образовательные учреждения Гороблагодатского горного округа в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 9. Екатеринбург, 2008. С. 142.

⁵ Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века. Т. 1. Барнаул, 2017. С. 141.

⁶ Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 141–142.

⁷ Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 97.

⁸ Там же; Друг пожарного. 1907. № 78 (3). С. 1161; ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 740.

⁹ ПСЗРИ-2. Т. 22. Отд. 1. № 21203. Ст. 876.

узнавать условия перевода учеников в окружное училище, надеясь продолжить образование сына. Но действительность не давала сироте никаких шансов для этого: в окружное училище попадали дети зажиточных родителей или урядников – низшего звена заводских руководителей. Как позже вспоминал Е.П. Клевакин, «переводили не по успешности познаний, а по большей части за деньги и по просьбе»¹. Поэтому к концу обучения в заводской школе Евгений стал готовиться к возможному началу службы в качестве денщика. Только благодаря случаю во время посещения школы главным начальником Уральских заводов В.А. Глинкой Евгений по распоряжению генерала был зачислен в Кушвинское окружное училище, в котором он проучился положенный срок, с 1854 по 1858 гг.²

Обучение на следующей ступени заводского образования – в Уральском горном училище – для Евгения оказалось уже невозможным, и с 1858 г. он был определен в службу на Кушвинский завод. По словам самого Е.П. Клевакина, он «в то время судачил на свою горькую участь»³, хотя полученное образование уже позволяло ему избежать тяжелого физического труда рабочих. Молодой человек получил назначение в заводскую контору к письменным занятиям. Служба складывалась удачно: начинающего писца «товарищи и старшие служащие любили»⁴, его быстро повысили до столоначальника. В 1861 г. он получил чин урядника⁵, что уже отделяло Е.П. Клевакина от массы заводских мастеровых, вводя его в низшее управленческое звено, состоявшее из зависимых заводских людей.

Чиновник. 1884. Художник Ф.С. Журавлев. Художественный музей Узбекистана.

Начавшаяся служба подневольного человека полностью определялась заводским начальством. Освободительная реформа 1861 г. стала для Е.П. Клевакина краугольным

¹ Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 94.

² Афанасьев П.А. Евгений Поликарпович Клевакин. С. 7.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 30.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 30 об.

⁵ Клевакин Е.П. Записки. Т. 2. С. 339.

камнем новой жизни. По указу 8 марта, определявшему условия освобождения зависимого горнозаводского населения, Евгений Поликарпович подлежал полному освобождению от заводской зависимости с 8 марта 1863 г. Как ни странно, в своих воспоминаниях Е.П. Клевакин совсем не останавливается на подробном описании этого события своей жизни. Только из случайных контекстных упоминаний можно понять его непередаваемую радость от свершившегося. В воспоминаниях, написанных в начале XX в., содержится характерное высказывание о дореформенных порядках: «Теперь все это только уже предание. Молодые люди не помнят уже всего этого»¹. В этих кратких словах – ёмкая оценка мировоззренческого переворота, который стал необратимым последствием реформы уже к рубежу XIX–XX вв. Освободительная реформа открыла в жизни страны новую страницу, отодвинув крепостную эпоху в далекое прошлое, воспринимаемое как «предание».

Отсутствие подробных эмоциональных воспоминаний об освобождении, возможно, было связано с тем, что Е.П. Клевакин и после 1863 г. был связан с Кушвинским заводом, продолжая службу на нем. Он был принят по вольному найму на должность цехового надзирателя. Через полтора года его назначили старшим надзирателем всего Кушвинского завода. С 1866 г. по инициативе нового управителя предприятия П.А. фон Зигеля заводские чиновники избрали Е.П. Клевакина казначеем Кушвинской заводской конторы. Новая должность потребовала перехода из вольнонаемной в коронную службу. В ноябре 1867 г. Е.П. Клевакина избрали на должность смотрителя припасов Кушвинского завода, на которой он состоял почти 6 лет². Однако подобную стабильность службы можно охарактеризовать как отголосок прежнего зависимого статуса, как своеобразные временнообязанные отношения бывшего заводского человека к своему предприятию, создавшему для него «полутепличные» условия. Возможно, что управители завода, разглядев необходимые служебные качества Евгения Поликарповича, не желали его ухода с завода и «назначали на хорошие должности»³. С другой стороны, надзирательские места Е.П. Клевакин мог выслужить и в рамках подневольного труда на заводах, освобождение лишь ускорило этот процесс. Именно поэтому освобождение от обязательной службы не стало моментальным фактическим освобождением Е.П. Клевакина, лишь стабилизировав до начала 1870-х гг. его служебное положение. Неслучайно позже Евгений Поликарпович достаточно критически охарактеризовал кушвинский период, в котором он «не совсем был и знаком с жизнью»⁴.

Полноценное влияние освободительной реформы проявилось в частной жизни Е.П. Клевакина. В нерабочее время он фактически стал жить жизнью «свободного сельского обывателя». Женитьба и появление детей заставляли уделять большее внимание семье. Несколько лет вынашивая планы строительства собственного дома, Евгений Поликарпович осуществил их в начале 1870-х гг. Занятия сельским хозяйством, попытки предпринимательской деятельности в 1860-е гг. получили главный стимул к развитию – они утратили контроль со стороны горнозаводской администрации. Не случайно в дневниковых записях Е.П. Клевакина, относящихся к этому времени, все его частные дела никак не связываются с деятельностью на заводах. Наоборот, молодой человек полон планов по развитию своего хозяйства, обустройства дома, ни разу не отмечая каких-либо затруднений (за исключением нехватки денег). Можно предполагать, что подобная свобода обыденной жизни воспринималась как вполне естественное состояние, не связывавшееся напрямую с освобождением от заводов.

Еще одним следствием реформы 1861 г. стало участие Е.П. Клевакина в общественной деятельности. После введения в Кушве сельского общественного самоуправления он трижды избирался доверенным от общества для проверки финансовой деятельности сельских старост. Избрание его в общественные поверщики происходило еще до 25-летнего возраста

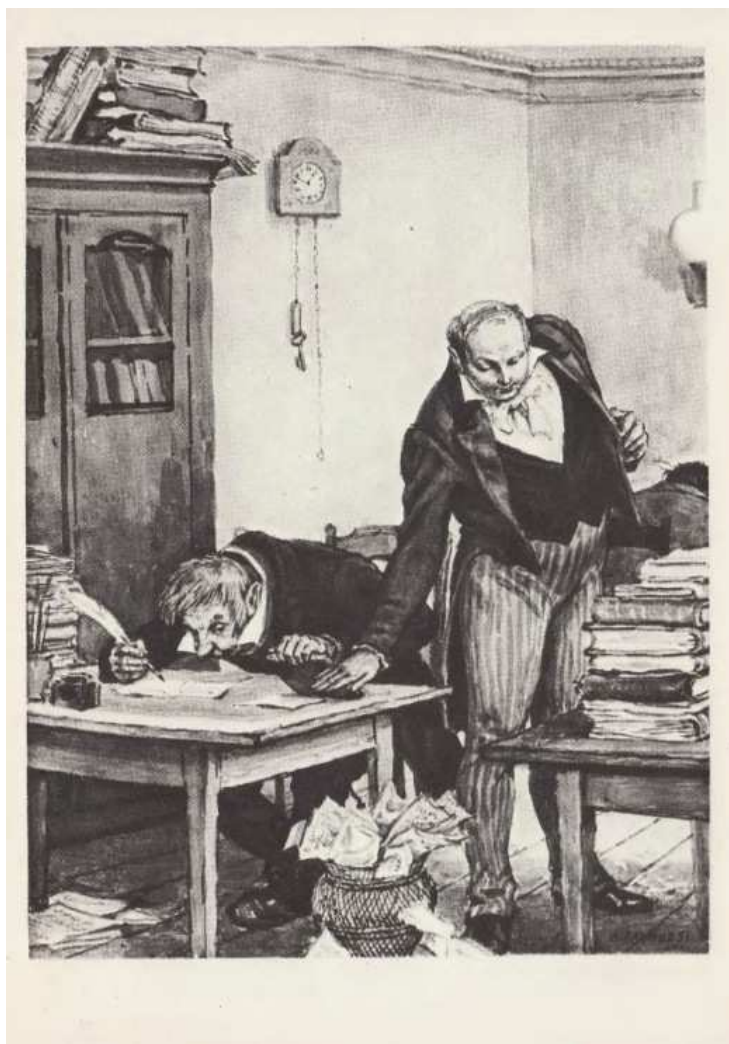
¹ Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 142.

² Афанасьев П.А. Евгений Поликарпович Клевакин. С. 8–9, 12.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 42 об.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 20 об.

Евгения, установленного законом в качестве возрастного ценза для выборных сельских должностей. Причина этого, очевидно, была не только в грамотности молодого человека, но и в доверии со стороны жителей поселка Кушвинского завода, наличии определенного авторитета, только укреплявшегося с течением времени¹. Воспоминания отразили, насколько опасна была подобная общественная деятельность. Даже в случайной ошибке поверщика общество могло увидеть преднамеренное действие, идущее вразрез с его интересами². Поступление на государственную службу освободило Е.П. Клевакина от общественных функций. Но различные фрагменты воспоминаний и дневника свидетельствуют, что Е.П. Клевакин не остался полностью безучастным к общественной деятельности и активной помощи самоуправлению.

А.М. Лаптев. Иллюстрация к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». (М., 1953)

Первая половина 1870-х гг. для Е.П. Клевакина стала временем постепенного становления самостоятельности в служебной деятельности. Именно тогда он превращается в служащего, для которого основным источником дохода становится жалованье. Постоянная нехватка денег в условиях необходимости содержания своей семьи и материальной поддержки близких родственников заставляли искать более выгодное место службы. В декабре 1873 г. Евгений Поликарпович отметил в дневнике: «Я давно желал и желаю служить на месте, обеспеченном жалованьем, и, служа исправно, получать заработок, считая этот заработок

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 60.

² Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 157–159.

честно заработанным»¹. Это как нельзя кстати совпало с введением новой системы заводского материального учета, одной из составных частей общего реформирования горнозаводской отрасли. Е.П. Клевакин мог обратить на себя внимание заводского руководства своей честностью. По его признанию, служба смотрителем заводских припасов не принесла никакого материального достатка, хотя его предшественники на должности «в два года службы накапливали до 3 тысяч рублей, а я, дурак, мог накопить до 9 тысяч, но не накопил ни гроша – вот честность-то»². Качества Е.П. Клевакина, по-видимому, оказались вполне подходящими для назначения его на бухгалтерские должности. В декабре 1873 г. ему предложили место помощника бухгалтера Кушвинской заводской конторы. Помимо жалованья, побудительным мотивом занять эту должность была возможность дальнейшего служебного роста³. Евгений Поликарпович принял предложение. В это же время в начале января 1874 г. Е.П. Клевакин был произведен в первый низший классный чин коллежского регистратора⁴.

Переход на счетную службу заставил Е.П. Клевакина освоить новую для него сферу деятельности, поскольку с ней мог быть связан дальнейший служебный рост. Однако начавшиеся его перемещения заводским начальством с одного предприятия на другое заставили Евгения Поликарповича задуматься о том, что «эта служба... ничего не даст хорошего»⁵. Перспективы службы и размер жалованья заставили его осенью 1874 г. впервые вселили мысль о переходе на службу на частные заводы. Хотя эта попытка окончилась безуспешно, но заводское начальство, по-видимому, не захотело терять грамотного служащего, попросив его вернуться в Кушвинский завод⁶. Результатом стало его назначение бухгалтером в Баранчинский завод с 1 октября 1874 г.

Новая должность, помимо введения системы материального счетоводства, дополнилась предоставлением Е.П. Клевакину права увольнения и подбора подходящих кадров счетоводов. Все это практически сразу привело к тому, что отношения нового бухгалтера с управителем завода Н.В. Романовым не сложились⁷. Разочарование в новом месте службы наступило уже к весне 1875 г. В обстановке недоверия со стороны начальства, осознавая, что «дальше повышений ждать нечего, потому что должности все инженерские», Е.П. Клевакин всерьез стал задумываться о переходе с горной на гражданскую службу, в которой «можно выслужить больше, потому что там дорога открыта»⁸.

Однако уход Е.П. Клевакина с заводской службы оказался куда более драматичным, чем он предполагал. Летом 1875 г. приехавшая для ревизии Баранчинского завода комиссия обнаружила недостаток древесного угля на сумму свыше 5 тыс. рублей⁹. Руководство предприятием и округом решило, что донос об этом был сделан Е.П. Клевакиным из-за его неприязненных отношений с управителем завода. Е.П. Клевакина пригрозили уволить «по третьему пункту» (т.е. по усмотрению начальства, без объяснения причин)¹⁰, в ответ на что он тут же подал прошение об отставке «по домашним обстоятельствам»¹¹. Двухмесячная внутризаводская проверка не обнаружила никаких фактов против Е.П. Клевакина. В ходе нее он уже был готов извиниться перед окружным начальником, но в итоге все же решил «выдержать... характер, показать силу воли»¹². В итоге, 20 августа 1875 г. Е.П. Клевакин был

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 19 об.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 19 об.

⁴ Клевакин Е.П. Записки. Т. 2. С. 339.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 26 об.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 31 об.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 34 об.

⁸ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 30 об., 45 об.

⁹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 48 об.; Д. 30. Л. 62.

¹⁰ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 8 об.

¹¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 48 об.

¹² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 52, 56 об., 58.

уволен в отставку «по домашним обстоятельствам»¹. В дневнике по этому поводу он отметил: «Посмотрим, что будет впереди. А будущее темно, настоящее теперь грустно»². Обида на окружное начальство, обещавшее поначалу поддержку, была столь велика, что Евгений Поликарпович «думал никогда не ворочаться на Гороблагодатские заводы»³.

Быстренин В.И. «...Герои наши видели много бумаги, и черновой, и белой, наклонившиеся головы, широкие затылки, фраки...». Иллюстрация к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Источник: Гоголь Н.В. Похождения Чичикова или Мертвые души. Спб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1901.

Рассмотренные события можно считать той точкой, когда у Е.П. Клевакина произошло окончательное освобождение от связи с заводской службой. Позже в одном из писем он признавал в целом ее удачное течение для себя: «На заводах мне все благоприятствовало. Служил легко, хотя ни до чего не добивался, но меня все ставили на хорошую дорогу. Между тем я нисколько не усиливался держаться крепко»⁴. Очевидная трудность и неоднозначность принятия решения об уходе с заводов была вызвана не только внешними обстоятельствами жизни: стремлением к заработку и служебному продвижению. Непростое «расставание» с заводской службой можно считать подлинным освобождением Е.П. Клевакина, осознавшего, что продолжение деятельности на Гороблагодатских заводах – это лишь один из возможных путей его жизненного сценария. Е.П. Клевакин признавал, что «обстоятельства слагались всегда так, что мне выгоднее было служить на казенных заводах»⁵. В этом и была главная сложность – решиться вырваться из привычной и удобной обстановки. Другие варианты деятельности представлялись очень неопределенными, но уверенность в своих знаниях и способностях, наличие хотя бы низшего классного чина давали возможность попробовать человеку реализовать иную жизненную стратегию,

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 58; Д. 29. Л. 9.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 59 об.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 32.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 52–52 об.

полностью порывавшую со всем прежним жизненным укладом. Немаловажно, что этот выбор осуществлялся хотя и трудно, но свободно, а стремительно развивавшиеся обстоятельства лишь подтолкнули к давно назревавшему решению. В дневнике Евгений Поликарпович признавался: «Попробовать гражданскую службу мне давно уже хочется, но все как-то никак не мог оторваться от заводов»¹.

Уход с казенных заводов завершил достаточно длительный период относительно спокойной и устоявшейся жизни Е.П. Клевакина. Именно с этого времени его можно назвать «полноценным» служащим, жизнь которого целиком зависела от службы и получаемого жалования. После успешной деятельности на заводах Е.П. Клевакин самоуверенно полагал: «Я... скоро выбьюсь на хорошую дорогу и займу хорошее место»². При этом он осознавал, что на новом месте службы «придется мне снова, так сказать, торить дорогу, т.е. снова выслуживаться так же, как я здесь выслуживался»³. Дневниковые записи свидетельствуют, что Евгений Поликарпович вполне настроился на подобный исход: «На свои силы я, конечно... надеюсь, пьянствовать не намерен. А прямо иду на труд с тем, чтобы получить затем более видную должность»⁴. Даже столкнувшись через несколько месяцев с трудностями, он вновь писал в дневнике, что в отставку «вышел по своей воле, зная, что мне на первый раз трудна будет дорога»⁵.

Оставляя заводскую службу, Е.П. Клевакин рассчитывал «пробить себе дорогу на службе в Перми»⁶. Однако устроиться на какую-либо должность в губернском городе оказалось трудно, поскольку до конца года никаких вакансий не предвиделось. По этой же причине не удалось поступить на службу в Контрольную палату, где Евгений Поликарпович желал применить свои знания материального счетоводства⁷. Только при помощи рекомендаций знакомых ему довольно быстро удалось устроиться в Пермское губернское казначейство на должность канцелярского чиновника. Но даже поступив на первую попавшуюся должность, Е.П. Клевакин трезво оценивал свое положение: «Начинаю сражаться, т.е. попросту сказать, протариваю себе дорогу»⁸. Только от безысходности своего положения он не бросил новую должность.

Переезд в Пермь для Е.П. Клевакина был связан с еще одной возможностью, появившейся в пореформенный период. Речь идет о новых способах общественного контроля, гласности, развитие которых было связано с усилением роли и значения прессы. Это в том числе шло от самих газет, призывавших своих корреспондентов к раскрытию «темных сторон», особенно в провинции, что должно было наводить страх на руководство возможной широкой оглаской «пропечатанных» негативных фактов. Е.П. Клевакин, выписывавший и читавший различные газеты, несомненно, усвоил эту сторону пореформенной прессы. Поэтому в конфликте с заводским руководством неслучайно возникновение у него желания «вывести на свежую воду кое-чего, что творится на заводах»⁹, о чем он упомянул в письме своему знакомому. Уже на следующий день после приезда в Пермь, 10 сентября 1875 г. Е.П. Клевакин написал анонимную корреспонденцию в столичную газету «Голос», задуманную еще во время пребывания в Баранчинском заводе, с перечислением известных ему фактов мошенничества с отчетностью на Гороблагодатских заводах¹⁰. Заметка была опубликована и затем перепечатана в газете «Сын Отечества»¹¹. Позже от знакомых Е.П. Клевакин узнал, что

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 60; Д. 28. Л. 32.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 56 об.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 96.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 32.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 41.

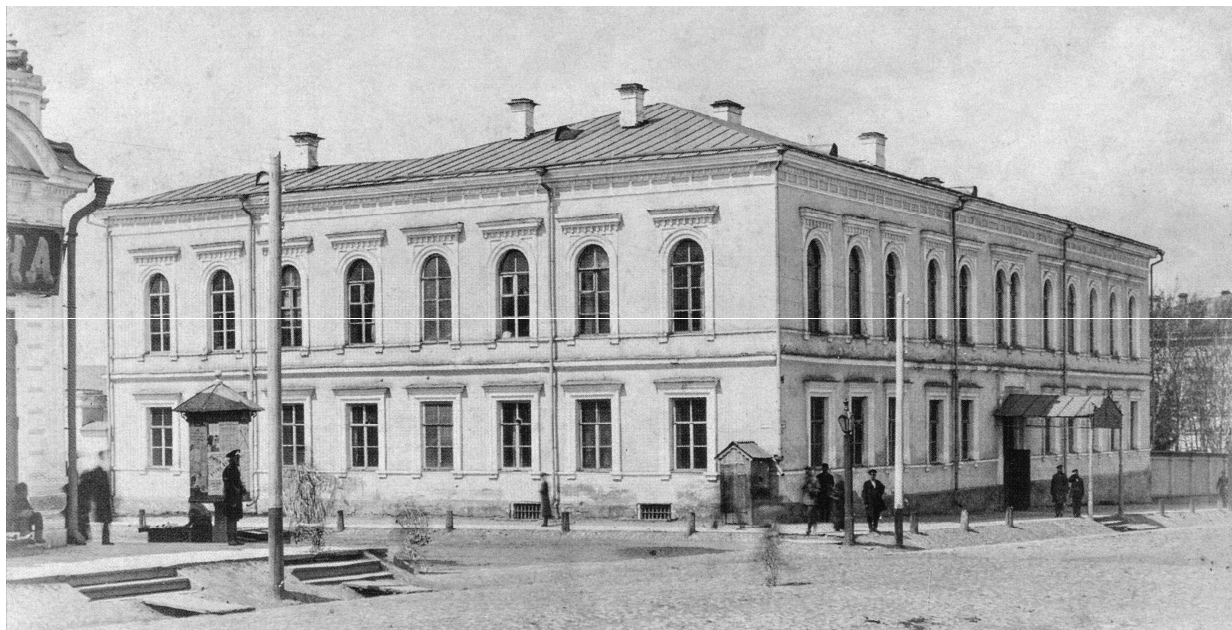
⁸ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

⁹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 17.

¹⁰ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 55, 63; Д. 29. Л. 3.

¹¹ Голос. 1875. 20 сентября; Сын Отечества. 1875. 22 сентября.

публикации произвели переполох в Кушвинском заводе. Однако признавать свое авторство даже в письмах к знакомым он не стал, очевидно, не желая дальнейшего осложнения отношений с бывшими сослуживцами¹.

Здание Пермской казенной палаты в 1880-е гг.

Неслучайно было также и желание Е.П. Клевакина поступить именно в Контрольную палату. Эти учреждения являлись новыми структурами, созданными в 1866 г. в качестве губернских подразделений Государственного контроля. В ходе его реформирования в первой половине 1860-х гг. преследовалась цель сделать его действительно независимым органом от административных учреждений, осуществляющим контроль над их финансовыми действиями². Очевидно, общество рассматривало деятельность контрольных учреждений как один из способов выявления и пресечения злоупотреблений. Поэтому и Е.П. Клевакин желал устроиться в Контрольную палату «в видах отомщения горным инженерам»³. Хотя это было вызвано в большей степени негодованием уволенного служащего, тем не менее, в ноябре 1875 г. он писал в одном из писем, что его службу в Контроле бывшие сослуживцы могли воспринять как получение возможности отомстить своим обидчикам, ревизуя заводскую отчетность⁴.

Тяжелые материальные условия, вынужденная жизнь без семьи превратили для Е.П. Клевакина новую жизнь в Перми в настоящее испытание. Оценивая позже пермский период 1875 г., он отмечал, что «приходилось тяжело, даже очень тяжело»⁵. Уже в середине ноября 1875 г. в одном из писем своим знакомым он признавался, что «пожалуй, сбежал бы из Перми», если бы не цель подняться по службе⁶. Он продолжал постоянный поиск более оплачиваемой должности, связанной с его специализацией на материальном счетоводстве. Отсутствие служебных перспектив заставило Е.П. Клевакина принять решение об уходе из казначейства и переходе через знакомых «на какую-нибудь частную порядочную службу»⁷. Практически сразу был получен положительный ответ с предложением занять должность

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 33 об.

² Подробнее см.: Коняев А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959. С. 76.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 69 об.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 23 об.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 32.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 28 об.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.

бухгалтера в Кизеловском заводе, принадлежавшем княгине Е.Х. Абамелек-Лазаревой. В конце 1875 г. Е.П. Клевакин уехал на новое место службы.

Получив хороший прием управляющего в Кизеловском заводе, Евгений Поликарпович был определен контролером с дополнительными обязанностями письмоводителя¹. Позже его перевели на должность бухгалтера с сохранением обязанностей контролера. В результате обязанности Е.П. Клевакина включали «все делопроизводство, отчетность и контролирование отчетов должностных лиц, табелей о распределении рабочих лиц и прочих сведений»². Но большой объем работы оплачивался высоким жалованьем. Поэтому полностью прошедший на частной службе 1876 г. Е.П. Клевакин оценил для себя как спокойный³.

На новой должности Е.П. Клевакин занялся уже знакомым ему делом, приводя в порядок запущенное заводское счетоводство, которое он «не ожидал встретить в частном месте»⁴. Работа осложнялась тем, что в феврале 1877 г. 5 из 12 конторских служащих уволились, и большую часть работы Евгению Поликарповичу пришлось делать самому⁵. К концу марта 1877 г. Е.П. Клевакин сообщил московскому управляющему именными Абамелек-Лазаревых, что привел учет имущества в порядок и надеется «теперь вести дело аккуратнее»⁶. Однако руководство княжеского хозяйства уже не относилось с прежним поощрением к усердному налаживанию системы учета на предприятии. В результате этого и других служебных обстоятельств уже в мае 1877 г. Е.П. Клевакин писал знакомым о разочаровании частной службой, на которой не было «ничего законного, ничего систематически правильного». В итоге он оценил частную службу как «полнейший произвол во всем» в противоположность службе государственной⁷. Неудивительно, что Евгений Поликарпович все чаще стал думать о перемене места службы. Удерживала его материальная сторона службы в Кизеловском заводе, которая вполне устраивала его, позволяя утверждать: «Здесь могу безбедно существовать»⁸.

Решающим обстоятельством для перемены места службы стала необходимость дальнейшего обучения детей. Отсутствие учебных заведений в Кизеловском заводе вынуждало отца семейства найти службу в более многолюдном населенном пункте. Ради обучения детей любящий отец считал нужным пожертвовать безбедной жизнью в Кизеловском заводе⁹. С августа 1877 г. Е.П. Клевакин начал подыскивать новое место службы.

Познакомившись со спецификой частной службы, Е.П. Клевакин желал вновь поступить на государственную службу. Помимо большей гарантированности должностных обязанностей, она также позволяла заработать пенсию. Считая себя неплохим знатоком бухгалтерии, Евгений Поликарпович старался подыскать соответствующую должность «выше столоначальника по счетной или распорядительно-хозяйственной части»¹⁰. Понимая сложность такого поиска, он соглашался поступить и на низшие служебные ступени, но с обязательной возможностью последующего повышения. Понимая, что на Кушвинский завод, где оставался собственный дом, «трудно будет перебраться»¹¹, Евгений Поликарпович рассматривал варианты поступления в любые другие места. Решив в итоге переехать в Пермь и вновь попытаться поступить там на службу, он стал заранее к этому готовиться. Помня

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 66.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 10 об.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 38 об.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 66.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 32 об.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 41 об.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 47.

⁸ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 75.

⁹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 64, 66, 80.

¹⁰ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 66 об.

¹¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 84 об.

свой предыдущий пермский опыт службы, он решил уйти из Кизеловского завода на уже найденное место в Перми. Неудачи самостоятельного поиска должности, предпринимаемые в течение 3 месяцев, заставили его обратиться к пермскому знакомому с просьбой вновь помочь поступить куда-нибудь на службу. Одним из непеременимых условий к новой должности была возможность «поскорее добиться обеспеченного содержания»¹. Однако эти планы нарушила ссора Е.П. Клевакина с помощником управляющего заводом Ильиным, окончившаяся присуждением мировым судьей штрафа в пользу Е.П. Клевакина. Недовольный этим решением Ильин добился увольнения Клевакина. С 1 марта 1878 г. он «рассчитался с лазаревскими заводами, с лазаревской службой»².

Пермь. Общий вид города

Накануне увольнения из Кизеловского завода в жизнь Е.П. Клевакина вошло еще одно новшество пореформенной эпохи. Став классным чиновником, он получил возможность быть включенным в списки лиц, из которых формировались присяжные заседатели для новой системы судопроизводства³. В январе 1878 г. Клевакин был вызван в качестве присяжного заседателя на сессию окружного суда в Соликамск. Трехнедельное пребывание на суде произвело глубокое впечатление на Е.П. Клевакина. Он писал, что «служба эта была тяжелая, очень тяжелая»⁴. Записав позже в воспоминаниях несколько наиболее запомнившихся случаев, он не преминул отметить разную степень ответственности к своим обязанностям со стороны других присяжных⁵. Возможно, что для бывшего зависимого человека допуск к такой сложной и ответственной деятельности был еще одним проявлением личной свободы, которую не только нужно уметь ценить, но и ответственно использовать для блага общества. Неслучайно в письме к знакомому он так описал свое душевное и эмоциональное перенапряжение к окончанию судебной сессии: «На душе у меня ничего не осталось», – подчеркивая этим всю моральную тяжесть службы «приговаривать человека к наказанию»⁶.

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 80 об.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 89 об.

³ Подробнее см.: Комментарии // Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 396–397.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 6 об.

⁵ Клевакин Е.П. Записки. Т. 1. С. 276–283.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 6 об.–7.

Покинув Кизеловский завод, Е.П. Клевакин с семьей прибыл в Пермь «без всяких расчетов, т.е. не на найденное место»¹. Первый же день, полностью проведенный в поисках места службы, не принес ничего утешительного, показав, что устроиться на какую-либо должность будет очень сложно ввиду высокой конкуренции свободных служащих, подобных Клевакину. Необходимость кормить семью заставляла скорее найти должность, поэтому уже через несколько дней после приезда Евгений Поликарпович поступил на службу приказчиком в транспортную контору купца В.Н. Бахарева. Столь быстрый результат поиска службы удовлетворил Е.П. Клевакина, позволив надеяться, что «все-таки не останусь со своим семейством голодным»².

Присмотревшись к новому служащему, В.Н. Бахарев довольно быстро повысил Е.П. Клевакина. Уже в конце июня 1878 г. он был назначен управляющим екатеринбургской конторой купца³. Поэтому Е.П. Клевакин не искал нового места службы и сообщал знакомым, что «жизнью своей пока доволен»⁴. К тому же, сравнивая новую службу с делами в заводских конторах, он отметил образцовый порядок в коммерческом счетоводстве⁵. Представляя интересы В.Н. Бахарева в Екатеринбурге, Евгений Поликарпович действовал вполне самостоятельно, хотя и понимал, что он всего лишь купеческий приказчик⁶. В отличие от службы на заводах, ограниченной четким временем работы и обязанностями, контора была открыта ежедневно, включая выходные и праздники, с 7 часов утра до 10 часов вечера, что практически не оставляло Е.П. Клевакину свободного времени. Оценивая через несколько месяцев в письме знакомому свое новое положение, он отметил: «От этой должности толку-то, в сущности, немного»⁷.

Е.П. Клевакин быстро осознал непостоянство положения на частной службе, которое полностью зависело от воли В.Н. Бахарева. Поэтому Евгений Поликарпович понял, что коммерческая служба «обеспечения на будущее время не может дать»⁸. Частная служба не обеспечивала никаких материальных гарантий в старости, кроме собственных накоплений. Но весь заработок Е.П. Клевакина уходил на обеспечение семьи. Евгений Поликарпович признавал: «Чем дольше служу по воле, тем более теряю на старости». Коронная служба позволяла заработать пенсионное обеспечение и в целом была «гораздо прочнее частной службы»⁹. Поэтому к началу 1879 г. Е.П. Клевакин вполне осознанно подошел к мысли о необходимости вновь поступить на государственную службу. На несколько месяцев это стало заветной мечтой чиновника, которая мучила его «день и ночь»¹⁰.

Сложность возвращения на государственную службу была связана не только с поиском места, но и с тем, что «опять придется пробивать дорогу с должности канцелярского чиновника, а это очень трудно и даже, пожалуй, невозможно»¹¹. Поступить же на должность с «приличным жалованьем» без рекомендаций было очень трудно. По-прежнему мечтая о службе в губернской Контрольной палате, Евгений Поликарпович в начале 1879 г. благодаря связям и общим знакомым «сошелся с некоторыми хорошими личностями, просил сначала совета, а затем рекомендации»¹². Благодаря личным контактам уже в начале марта 1879 г. управляющий Пермской контрольной палатой согласился принять Е.П. Клевакина на службу на освободившуюся вакансию. Попытка В.Н. Бахарева удержать Евгения Поликарповича на частной службе прибавкой к жалованью оказалась безуспешной. Гарантии государственной

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 90.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 88 об.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 10 об.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 95.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 91 об.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об., 43.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.

⁸ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 17 об.

⁹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 39–39 об.

¹⁰ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 27.

¹¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 27; Д. 30. Л. 98 об.

¹² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 30. Л. 98 об.

службы оказались для него более желанны. В апреле 1879 г. Е.П. Клевакин вновь вернулся в Пермь и стал служить в Пермской контрольной палате.

Хотя возвращение на государственную службу сопровождалось для Е.П. Клевакина существенным материальным убытком (440 руб. в год), это компенсировалось иными преимуществами, недоступными на частной службе. Новая должность, закрепленная в штате за более высоким чином, позволяла Клевакину, имевшему уже к тому времени чин 12 класса, получить еще 4 чина до штатной нормы занимаемой должности, а также «еще много... заполнить, если послужится хорошо»¹.

Испытав за 4 года все перипетии частной службы, Е.П. Клевакин не скрывал радости от возвращения на государственную службу. Вместе с тем он несколько не сожалел о своих частых переходах по службе, полагая, что ему «все-таки нельзя пожаловаться на жизнь и в то время»². Он смог «изучать жизнь во всех ее отношениях»³. Таким образом, Е.П. Клевакину удалось на практике испытать возможные варианты службы, открывавшиеся перед ним, и их влияние на жизненное положение, что делало его выбор в пользу государственной службы вполне осознанным. К тому же смена мест службы укрепила уверенность Е.П. Клевакина в его способностях, трудолюбии и определенном везении. Он писал своим знакомым: «Пока я доволен, что куда ни поступлю, меня скоро отличают от других, а это дает мне большую нравственную поддержку и силу и заставляет некоторым образом рисковать переходом с одного места служения на другое»⁴.

Быстрое продвижение на службе до должности помощника ревизора и обязанности в Контрольной палате вполне устраивали Евгения Поликарповича, довольного, что его служба стала «не очень обременительна и гораздо лучше (легче) заводской, а особенно коммерческой»⁵. При этом Е.П. Клевакин отмечал в письме к кушвинскому знакомому, что «служба контрольного чиновника очень замысловата. Надобно все знать и все сделать непременно на законном основании»⁶. Тем не менее, в письме к дяде он признавался: «По силе и возможности я стараюсь служить так, чтобы мной были довольны»⁷. Фактически он заведовал отделом в Контрольной палате, осуществляя самостоятельную ревизионную деятельность «на тех же правах, как ревизуют старшие и младшие ревизоры»⁸. Одной из обязанностей Евгения Поликарповича была ревизия отчетности Уральского горного правления. Это, по его мнению, «очень занято» характеризовало его жизненный путь: не более 7 лет назад, служа на заводах, он считал Горное правление «недосыгаемо высокой инстанцией», а теперь указывал на его неправильные действия и требовал от него объяснений⁹.

Служба в Контрольной палате позволила Е.П. Клевакину, по его словам, «сделаться вполне чиновником, с теми же чиновничьими желаниями: чинов, наград, повышений и командировок»¹⁰. Свообразным внешним приобщением к чиновничеству стал форменный фрак, впервые за всю службу сшитый Евгением Поликарповичем только в 1879 г. За короткое время Е.П. Клевакин сделал наблюдение, что пермские чиновники ничуть не отличались от служащих любой заводской конторы: «Почти все недовольны службой, малым содержанием»¹¹. Отмечая интерес чиновников только к служебным делам и должностному положению, Е.П. Клевакин констатировал, что «окружающая жизнь несколько не интересуется

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 42 об.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 20 об.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 3, 42 об.–43.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 42 об.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 40 об.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 13 об.

⁸ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 29 об.

⁹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 11 об., 22 об.–23, 30.

¹⁰ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 56.

¹¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 57.

нашего брата чиновника». Прочно обосновавшись в Перми, он через несколько лет с грустью отмечал, что и его жизнь становится «самая однообразная: что было сегодня, то будет завтра и послезавтра»¹.

Свежий кавалер. Фрагмент. Худ. П.А. Федотов. 1846.
Государственная Третьяковская галерея.
На картине изображен чиновник, получивший первый орден – святого Станислава 3 степени.

Значительным событием службы Е.П. Клевакина в Контрольной палате стало неожиданное награждение его орденом святого Станислава 3 степени, состоявшееся 5 марта 1882 г. Для Евгения Поликарповича это стало предметом нескрываемой гордости перед родственниками и знакомыми². Особую ценность награде придавало то, что она была получена не за чиновничью выслугу лет (этого, при его должности, пришлось бы ждать долгих 12 лет)³, а за действительные заслуги. Значимым было и то, что инициатива награждения исходила от начальства, а сам Евгений Поликарпович «не добивался, не просил, а так случай выпал»⁴. Орден для него, сына мастерового, стал наиболее значимым символом успешности и правильности его служебного пути, «эта награда лучше денежной»⁵. Орден позволял ему выделиться среди других чиновников низкого происхождения, также вынужденных добиваться должностей, чинов и жалованья лишь выслугой лет. Получив орден, Е.П. Клевакин раньше получал привилегии, сопровождавшие выслугу следующего

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 12–12 об.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 78 об.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 29 об.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

для него чина титулярного советника. Пожалование орденом давало ему право на личное дворянство и потомственное почетное гражданство его детям¹.

Долгожданная стабилизация службы, найденная в Контрольной палате, после сложностей второй половины 1870-х гг. заставила Е.П. Клевакина «смотреть на жизнь... трезвее», планируя ее на будущее время². Вернувшись в коронную службу, Евгений Поликарпович «решился служить в одном месте долго», намереваясь остаться в Перми не менее чем на 10 лет. Такой срок службы он определил для себя, исходя из возможности выслуги пенсии. С учетом уже имевшегося у него 15-летнего срока государственной службы, дополнительные 10 лет могли предоставить ему право на получение минимальной пенсии за выслугу 25 лет. «Заслужить пенсию ведь значит то же, что нажать капитал», – писал он знакомому вскоре после обустройства в Перми³. Именно ради выслуги пенсии он страшился вновь бросать коронную службу. Ее оставление сразу же делало бы старость ничем не обеспеченной, заставляя вновь поступать на коммерческую службу, «потому что капиталов на старость нет»⁴.

Тем не менее, в 1882 г. Евгений Поликарпович вновь стал перед непростым личным выбором: «Служить ли, пока служится, в коронной службе или искать из-за этой службы частной службы, которая бы дала мне безбедное существование со своим семейством». Очередные сомнения в необходимости продолжения коронной службы были связаны с мечтами Е.П. Клевакина «заниматься своим делом, а не служить»⁵. Однако парадокс состоял в том, что «самостоятельная жизнь», о которой он мечтал, связывалась им с получением пенсии⁶. Поэтому, несмотря на свои желания, необходимо было оставаться в коронной службе далее.

Однако летом 1882 г. от чахотки умерла жена Е.П. Клевакина. Тяжелые душевные переживания полностью отразил его дневник, лейтмотивом в котором в этот период проходит мысль: «Креплюсь, креплюсь, а толку мало»⁷. Печальная перемена в жизни заставила Е.П. Клевакина задуматься о переезде из дорогой для жизни Перми и смене службы⁸. С конца 1882 г. Евгения Поликарповича вновь стал звать к себе на службу купец В.Н. Бахарев. Он предложил стать его доверенным в Томске, предоставив выгодное жалованье (1 200 руб.) и бесплатную квартиру с отоплением, лошадьми, кучером и кухаркой⁹. Размышляя об этом, Е.П. Клевакин в противовес своим же недавним мыслям решил, что коронная служба не является столь привлекательной даже перспективой выслуги пенсии, поскольку ее «не хватит на содержание в старости». Возможности роста по службе и повышения жалованья были ограничены. Поэтому на частную службу Е.П. Клевакин теперь возлагал надежды «заслужить довольно солидное содержание»¹⁰. Материальная сторона предопределила окончательный выбор в пользу коммерческой службы, хотя многие сослуживцы не верили, что Е.П. Клевакин оставит коронную службу. В феврале 1883 г. Е.П. Клевакин покинул Контрольную палату и, поступив вновь на службу к В.Н. Бахареву, выехал в Томск. Отъезд из Перми ознаменовал начало сибирского периода в жизни и службе Е.П. Клевакина.

Окончание службы в Контрольной палате и переезд в Сибирь для Е.П. Клевакина стали личным рубежом в завершении пореформенной эпохи. В Сибирь он приехал по вполне осозанным причинам со сформировавшимися жизненными взглядами и убеждениями.

¹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 10; Д. 26. Л. 27 об.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 21.

³ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 56.

⁴ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 23, 27.

⁵ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.

⁶ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 56, 96 об.; Д. 26. Л. 26 об.–27; Д. 25. Л. 18 об.

⁷ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 35 об.–36.

⁸ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 29 об., 37 об.

⁹ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 70 об.

¹⁰ ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26. Л. 54 об., 56–56 об.

Во многом этому становлению Е.П. Клевакин был обязан пореформенной эпохе, в которую произошли все его социальные перемещения, превратившие его в наемного служащего и чиновника. Поэтому его вполне можно считать человеком пореформенной эпохи.

Определяющим признаком такой характеристики можно назвать личную свободу, полученную Е.П. Клевакиным благодаря освободительной реформе. На протяжении всей жизни он помнил свое происхождение, и, сравнивая его с достигнутым положением, понимал и ценил данную в 1861 г. свободу. Можно предполагать, что в том числе на этой основе формировались и монархические убеждения Е.П. Клевакина как своеобразная благодарность за достигнутый им социальный уровень, бывший недоступным для него без освободительной реформы. Личная свобода предоставляла возможность самостоятельного выбора служебного пути, что можно назвать еще одним признаком человека пореформенной эпохи. Реальная альтернатива государственной или частной службы, понимание различных перспектив каждого из этих путей и ответственность за сделанный выбор выражали в действии свободу личности.

В жизни Е.П. Клевакина этот выбор прошел красной нитью через все 1870-е гг. Сам выбор означал для него непростой разрыв стабильных отношений с заводом. Осознавая необходимость выбора служебного пути, Е.П. Клевакин не раз попробовал оба варианта с их отрицательными и положительными сторонами. К концу 1870-х гг., пройдя материально обеспеченную частную службу, он уже вполне осознанно сделал выбор в пользу государственной службы. Примечательно, что ее приоритетность Е.П. Клевакин осознал на должности в Контрольной палате – учреждении, созданном одной из реформ 1860-х гг. Приоритет в пользу коронной службы (позже вновь подтвержденный уже через год после переезда в Сибирь) был неслучаен. Государственные гарантии пенсии, социального роста, в противовес произволу частной службы, по-видимому, морально подкрепляли бывшего зависимого человека. Поэтому превращение Е.П. Клевакина в середине 1870-х гг. в классического «человека двадцатого числа»¹, начинающего службу с низов должностной лестницы и постепенно поднимающегося по ней, полностью зависящего от размера получаемого жалованья, в определенной степени было предсказуемым результатом. Но в условиях пореформенной эпохи эта предопределенность выступала двояко: как отголосок прежнего патернализма и зависимости, а с другой стороны, как гарантия будущего, позволяющая в условиях личной свободы строить жизненные планы.

В любом случае, возможности, открывавшиеся после освободительной реформы, предполагали активную позицию любого подданного с целью пользы для общества. Е.П. Клевакин, всегда стремившийся «быть на виду», сумел проявить себя в этом по силе своих возможностей как на службе за жалованье, так и в новой общественной службе. Дело было только за личным выбором, позволявшим человеку соотносить свои качества, жизненные потребности и желания с предоставлявшимися возможностями и перспективами. Примечательно осознание неординарности своего жизненного пути самим Е.П. Клевакиным: «Я всё-таки выбиваюсь из обыкновенной колеи мелких служащих, что для меня пока и довольно, так как я первый из нашего рода выслужился до чиновников»². Поэтому жизнь Е.П. Клевакина в пореформенный период – это интересный пример в целом удачного, но далеко не всегда гладкого воплощения возможностей, открывшихся для бывшего зависимого человека.

Статья поступила в редакцию 15.10.2018 г.

¹ В государственных учреждениях 20-е число каждого месяца было днем выплаты жалованья.

² ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 59 об.

Литература

Афанасьев П.А. Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие // Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века. Т. 1. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 3–85.

Бакшаев А.А. Образовательные учреждения Гороблагодатского горного округа в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 9. Екатеринбург, 2008. С. 139–147.

Бушмаков А. Государственные служащие пореформенной России второй половины XIX – начала XX века // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 259–266.

Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века. В 2 т. / изд. подгот. П.А. Афанасьев. Барнаул: АлтГПУ, 2017. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 458 с.

Коняев А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России. М.: Госфиниздат, 1959. 164 с.

Матханова Н.П., Туманик Е.Н. Василий Михайлович Муравьев: опыт биографического очерка на базе эпистолярного наследия // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 21–31.

Федосов И.А., Долгих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX в. Т. 2: Власть и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 10–101.

Щеглова Т.К., Ильиных Е.Е. Социокультурные взгляды чиновников и служащих Алтайского горного округа (по личным фондам С.И. Гуляева и Е.П. Клевакина) // Гуляевские чтения. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 269–274.

References

Afanas'ev P.A. Evgeniy Polikarpovich Klevakin i ego dokumental'noe nasledie [Evgeniy Polikarpovich Klevakin and his documentary heritage]. In: Klevakin E.P. Zapiski provintsial'nogo chinovnika vtoroy poloviny XIX veka. Vol. 1. Barnaul: AltGPU, 2017. P. 3–85.

Bakshaev A.A. Obrazovatel'nye uchrezhdeniya Goroblagodatskogo gornogo okruga v pervoy polovine XIX v. [Educational institutions of Goroblagodatskiy mining district in the first half of the 19th century]. In: Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'. Vol. 9. Ekaterinburg, 2008. P. 139–147.

Bushmakov A. Gosudarstvennye sluzhashchie poreformennoy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Officials of the post-reform Russia, second half of the 19th – beginning of the 20th century]. In: *Otechestvennye zapiski = Russian Papers*. 2012. № 1. P. 259–266.

Klevakin E.P. Zapiski provintsial'nogo chinovnika vtoroy poloviny XIX veka. V 2 t. [Memoirs of a provincial official of the second half of the 19th century]. / ed. by P.A. Afanasiev. Barnaul: AltGPU, 2017. Vol. 1. 420 p.; Vol. 2. 458 p.

Konyayev A.I. Finansovyy kontrol' v dorevol'yutsionnoy Rossii [Financial control in the pre-revolutionary Russia]. M.: Gosfinizdat, 1959. 164 p.

Matkhanova N.P., Tumanik E.N. Vasiliy Mikhajlovich Muraviev: opyt biograficheskogo ocherka na baze epistolyarnogo naslediya [Vasiliy Mikhaylovich Muraviev: a biographical essay based on the epistolary heritage]. In: *Istoricheskii kurier = Historical courier*. 2018. № 1. P. 21–31.

Fedosov I.A., Dolgih E.V. Rossiyskiy absolyutizm i byurokратиya [Russian absolutism and bureaucracy]. In: *Ocherki russkoy kul'tury XIX v.* Vol. 2: Vlast' i kul'tura. M.: Moscow university press, 2000. P. 10–101.

Shcheglova T.K., Il'nykh E.E. Sotsiokul'turnye vzglyady chinovnikov i sluzhashchikh Altajskogo gornogo okruga (po lichnym fondam S.I. Gulyaeva i E.P. Klevakina) [Sociocultural views of Altai mining district officials (on personal archival funds of S.I. Gulyaev and E.P. Klevakin)]. In: *Gulyaevskie chteniya*. Vol. 1. Barnaul, 1998. P. 269–274.